

УДК 141

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск. Карелия

БЛОКАДНЫЕ БОЛИ (философские этюды)

1. Памяти Ивана Яковлевича Билибина. В этой братской могиле покоится прах моего любимого художника Ивана Яковлевича Билибина (16. VIII. 1876 – 7. II. 1942).

Мастер много сделал во славу Олонии, Поморья, Вологодчины. Наши края он впервые посетил в 1902 г., будучи ещё совсем молодым человеком. Благодаря его блистательным экспедициям, проведённым по сути в одиночку, начался столь характерный для *серебряного века* культ Русского Севера. Октябрьский переворот 1917 г. Иван Яковлевич воспринял как национальную катастрофу.

Каир – Александрия – Париж: вот вехи его эмигрантского пути. Тоска по родине в душе художника со временем взяла верх над неприятием большевизма. В 1936 г. И.Я. Билибин вернулся в Россию.

Север в начале – и Север в конце: смерть застала Ивана Яковлевича над иллюстрированием «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга. Вот его последняя работа – она посвящена Дюку Степановичу. По одной из версий, богатырь происходил из *Карелы упрямыя*.

В одной тесной ямине вместе с Иваном Яковлевичем Билибиным лежит Владимир Александрович Фролов, замечательный мозаичист. Декор дома Зингера в Петербурге – и особняка Рябушинского в Москве; мозаики Спаса на Крови – Марфо-Мариинской обители – спальни Прохоровых на Новодевичьем кладбище; оформление храмов в Таллинне, Дармштадте, Буэнос-Айресе; надгробия А.П. Бородина и А.И. Куинджи: можно долго продолжать перечень мест, где фроловская смальта играет ярче самоцветов. Почаев и Талашкино, Пархомовка и Шлиссельбург: здесь В.А. Фролов работал вместе с Н.К. Рерихом.

В блокадном Ленинграде стынущими пальцами мастер собирал панно для московского метро. Их мы можем увидеть на станциях «Новокузнецкая» и «Автозаводская». В 1943 году – уже после смерти художника –

они были вывезены по «Дороге жизни» в столицу. Кладбищенская коммуналка! Назову ещё несколько её поселенцев, с творчеством которых знаком: Алексей Еремеевич Карев, Павел Семёнович Наумов, Павел Александрович Шиллинговский.

Рядом с прославленными художниками обрёл последний приют выдающийся архитектор Оскар Рудольфович Мунц. В 1907 г. он построил на Екатерининском канале здание Первого общественного собрания. Шедевр стиля модерн! Не считаясь с хронологией, миф утверждает: это дом *Настасьи Филипповны*. Но вот реальное: тут работал легендарный театр «Кривое зеркало». На пути в Петербург мы, северяне, проезжаем ещё одно творение О.Р. Мунца. Это Волховская ГЭС.

Позволю задать себе вопрос, который в нынешней невротической атмосфере может показаться рискованным: эта жуткая могила была фатально неизбежной? Как если бы божий бич был занесён над городом Святого Петра! И этот бич – блокада.

Лично для меня нет вопроса: удушающее кольцо окружения – или безвольная капитуляция. Дело не только в том, что потери в обоих случаях были бы равными – или даже ещё более страшными при втором варианте. Главное тут – нравственный критерий. Мы не сдали Северную Пальмиру! Мы понесли огромный урон – но победили и физически, и морально. В нашем выборе – абсолютная правота.

Широко цитируются заявления Гитлера – самого inferнального из всех нелюдей, когда-либо живших на Земле – относительно судьбы нашего любимого Петербурга. Но я приведу ещё одно – не слишком известное. Это стенограмма совещания, которое фюрер провёл 16 июля 1941 г.: «*На район Ленинграда предъявляют свои притязания финны. Фюрер хочет сначала сравнять Ленинград с землёй, а уже потом передать его финнам.*»

Иногда говорят: это были пустые угрозы. Чудовищная аберрация! Судьба *пригородов* Ленинграда – это то, что ожидало сам *город*. Где оригинал петергофского «Самсона», изваянного гениальным М.И. Козловским? Я собираю довоенные открытки с его изображением. Мог бы исчезнуть и «Медный всадник»! И клодтовские кони! Пустыри на месте дворцов Растрелли, Росси, Штакеншнейдера: сердце холодеет от этих зловещих картин, которые рисует воображение.

В роковую зиму 1942 г. умер от холода и голода художник Николай Фёдорович Лапшин. Ему было 54 года. Петербургский пейзаж доминировал в его творчестве. Как тонко он чувствовал поэзию родного города! У меня есть одна из работ Н.Ф. Лапшина. Она выполнена в 1939 г. Александровский сад, Адмиралтейство – в агатовой ауре первозимья.

Автор с работой Н.Ф. Лапшина.

Неужели могло случиться так, что я никогда не прошёл бы по этой аллее? Там, в перспективе – Дворцовая площадь.

Можете представить немцев, закладывающих взрывчатку под Александровский столп? Нет и нет!

Как поэт и философ, я возвращён Петербургом – память его защитников для меня священна. Кто-то надругался над этой памятью?

Хочу разобраться.

2. Зачем оскорбили Виктора Петровича Астафьева? В номере от 30.6.1989 г. газеты «Правда» мы найдём такие слова великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева, сказанные им по поводу блокады: *«Миллион жизней за город, за коробки? Люди предпочитали за камень губить других людей. И какой мучительной смертью!»*. Нечто подобное – но в более мягкой форме – мы услышали на «Дожде».

Меня связывали добрые отношения с Виктором Петровичем. Иногда он дарил мне свои книги. Я чту его и как писателя, и как солдата. Имел он медаль «За отвагу» – читаем в наградном листе: *«В бою 20.10.1943 г. красноармеец Астафьев В.П. четыре раза исправлял телефонную связь с передовым НП. При выполнении задачи, от близкого разрыва бомбы, был засыпан землёй. Горя ненавистью к врагу, тов. Астафьев продолжал выполнять задачу и под артиллерийско-миномётным огнём собрал обрывки кабеля и вновь восстановил телефонную связь, обеспечив бесперебойную связь с пехотой и её поддержку артиллерийским огнём»*.

Как надо отнестись к словам Виктора Петровича о блокаде? Это говорит не историк, а писатель, верный идеалам гуманизма. Пусть это *абстрактный гуманизм!* Но без людей такого типа нет настоящей культуры.

Скажу так: история действительно не терпит *сослагательного наклонения*, но его ещё как терпит – и остро нуждается в нём – наше нравственное сознание. *Сослагательное наклонение* – функция совести. А иногда – синдром отчаяния: понимая необратимость истории, мы мечемся в лабиринте вероятий, которые никогда не станут явью.

Напрасное занятие? Неправда! Очень даже полезное – воистину душеспасительное. Это усвоение опыта – школа мудрости – тренажёр чести. Моделируя историю задним числом, мы хоть немного, но уменьшаем негатив при построении будущего.

К этому стремился человеколюбивый писатель В.П. Астафьев. Он не хуже нас знал: из сонма возможностей в действительность переходит только одна – подчас и неожиданная, и нежелательная.

Однако вовсе не лишне покопаться в сонме отринутых или проваленных шансов. Настоящий гражданин просто обязан заниматься этим. В связи со скандалом на «Дожде» давние слова Виктора Петровича оказались востребованными. Вот как на них отзывается в Интернете некто *блокадник* – противно цитировать: *«Время выворачивает душонки, как желудки страдают после пьянки, которые так любил писатель Астафьев»*.

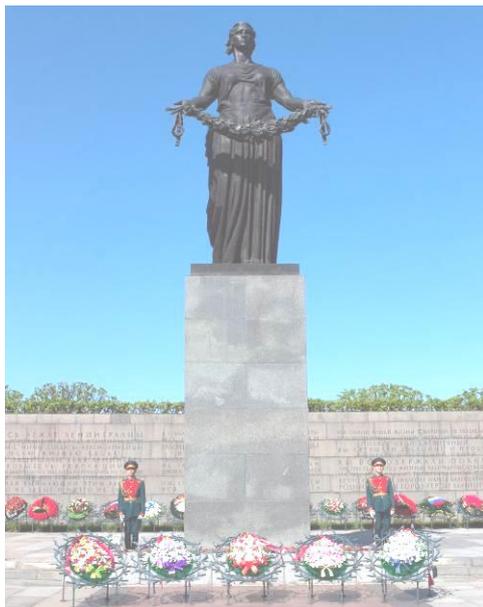
Зачем оскорблять покойника? Не похоже на *блокадника*! На истинного *петербуржца* – носителя благородства! Почему аноним не захотел назваться? Чего боится?

В поисках ответа на эти вопросы я хочу привести строки из недавно опубликованного блокадного дневника Ольги Фёдоровны Бергольц: *«Может быть, мы так позорно воюем не только потому, что у нас не хватает техники, не только потому, что душит неорганизованность, везде мертвечина, кадры помёта 37-го – 38-го годов, но и потому что люди задолго до войны устали, перестали верить, узнали, что им не за что бороться»*.

Легко замахнуться на поэтессу за это откровенное признание. Психологическая чуткость – способность сочувственного вживания в чужую мучающуюся душу – у нас резко идёт на убыль. Мне кажется, что оппонент В.П. Астафьева – из того самого *помёта*, о котором говорит Ольга Фёдоровна. Какая генерация – третья? Четвёртая? Не суть важно! Наследственность безупречная, чёткая.

А вот у Ольги Фёдоровны потомства не осталось. В 1938 г. её обвинили в заговоре против И.В. Сталина и А.А. Жданова. Заметим: и *Жданова*! Вместе с ним – локоть к локтю – она будет защищать осаждённый город. Её пронзительное слово внесёт весомый вклад в победу. А пока – это: побои чекистов. Как следствие – мертворождённый ребёнок.

Ещё фрагмент из дневника О.Ф. Бергольц – публикация 2010 г.: *«Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осаждён, Киев осаждён, Одесса осаждена. Ведь немцы всё идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству... Это называлось: "Мы готовы к войне". О, сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!»*.

Представим себе, что О.Ф. Бергольц выступила бы с чем-то подобным сегодня – ох, не поздоровилось бы ей. Глядишь, избили бы – как тогда, в 1938-м. Всё возвращается на круги своя. Многое изменилось в нашей стране за последние 2–3 года.

Но вернёмся в Питер, празднующий 70 лет со дня снятия блокады, придём с цветами на Пискарьевское кладбище. Здесь лежат 640000 человек, погибших от голода. Ещё 17000 – жертвы артобстрелов. Эта пропорция ничего не меняет в проблеме вины? На самом вместительном – и самом трагическом – погосте планеты нас встретят бесмертные слова:

Их имён благородных мы здесь перечислить не сможем,

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:

Никто не забыт и ничто не забыто.

Автор Ольга Бергольц.

3. *Die Geschichte kennt kein WENN* (история не знает слова «если...») - Ред.)

Поговорим ещё раз о *сослагательном наклонении*. Его ещё так обозначают: *конъюнктив, субъектив*; а по латыни – *modus conjunctivus* или *subjunctivus*. Очень существенно это: *субъектив – subjunctivus*. Превалирует *субъективность*!

Сослагательное наклонение может что-то изменить – условно, виртуально – лишь в пространстве раскованного воображения. Пока оно бессильно в попытках что-то перекрыть в дурном прошлом. Но предуготовляет нас в устремлении к лучшему будущему. Мой учитель Александр Александрович Любищев написал спорный трактат «А если бы...». А если бы Новгород взял верх в тяжбе с Москвой? Как тогда выглядела бы Россия? А.А. Любищеву виделась – весьма узнаваемо, хотя и сквозь туман неопределённостей – здоровая европейская страна. Скажу так – пусть в меня сейчас полетят камни – Россия стала бы членом ЕЭС. Коррупция и беззаконие – её губители, её законенное зло – навсегда бы ушли в предание.

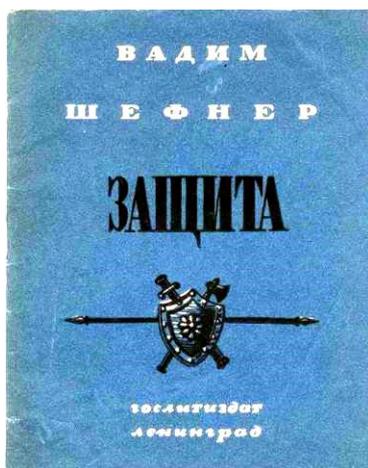
Но взметнулся бы ввысь шатёр Коломенского – символ централизации русских земель? Прозвучали бы при таком исходе Лев Толстой и Иван Шмелёв? Это чистой воды *пробабелизм* – от лат. *probabilis*: *вероятный*.

Сегодня *альтернативная история* – А.А. Любищев был одним из её зачинателей – весьма популярна. Вот любимейший сюжет: победа стран Оси во Второй мировой войне – планетарное торжество гитлеризма. Жуть! Куда эмигрировать? В туманность Андромеды?

Конечно, это игра. Но игра продуктивная – отрезвляющая – оттачивающая интеллект. А если бы Николай II не *сдал* Империю? А В.И. Ленин – демократические упования? А И.В. Сталин – крестьянство? А Н.С. Хрущёв – Крым? А Б.Н. Ельцин – СССР?

В нашей истории было много непростительных сдач, отступлений, предательств. Но вот Ленинград – *не сдали*! Не разделил он судьбу Парижа – не стал *открытым городом*. Куда *открытым*? В нашем случае – навстречу смерти.

Ко мне тепло относился изумительный ленинградский поэт Вадим Сергеевич Шефнер. Поддерживал в трудные минуты. В 1943 г. в блокадном городе вышла его книга «Защита». Вот она – моя реликвия.

Поэт описывает разрушенный дом:

*Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.*

И далее – мажорное, утвердительное:

*Его теперь ночная душист сырость,
Слепят пожары дымом и огнём.
Но всё пройдёт.
И чтобы не случилось,
Враг никогда не отразится в нём.*

А если бы – вопреки оправдавшейся уверенности поэта – всё-таки отразился бы? Об этом неприятно думать. Но думать – надо! Ради минимизации ошибок в будущем.

Никак не могу выяснить, когда впервые по-русски прозвучала эта ёмкая сентенция – *История не терпит сослагательного наклонения*. Без всяких оснований она приписывается «отцу народов» – будто он произнёс её 13. XII. 1931 г., давая интервью отличному немецкому писателю-биографу Эмилю Людвигу.

Заглянем в первоисточник. Там нет этих слов. Скорее всего, что перед нами удачный перевод немецкого *Die Geschichte kennt kein Wenn – История не знает слова*

«Если». Авторство принадлежит гейдельбергскому профессору Карлу Хампе (1869–1936). Что стоит за великолепным фразеологизмом? Призыв не пытаться все переигрывать историю – уважать её безусловную *единственность*.

В этой установке чувствуется дух Г.В.Ф. Гегеля. Великий философ преподавал в Гейдельберге. Он говорил: «*Всё разумное действительно*». Виктории – и поражения, процветание – и нищета, свобода – и тирания: всё, что есть – всё то, что сбылось и осуществилось, перейдя из потенциального в актуальное состояние: всё это *разумно*, ибо поверено Мировым Духом – является его манифестацией.

Вы говорите: бездарная власть творит *безумие*. Это так вам кажется! Это субъективизм. То, что представляется иррациональным с вашей колокольни, в другой системе отсчёта – высшей, объективной, абсолютной – вполне рационально. *Spiritus Mundi* непогрешим. Истина монополизирована им. Куда лезете со своим *сослагательным наклоном*? Это ересь.

По Г.В.Ф. Гегелю, всё совершается необходимо. История *предetermined*. Не рыпайтесь! Зря орёте: страной правит параноик. Неправда. Выбор Мирового Духа всегда оптимален. И Гитлер, и Сталин – харизматики.

Есть глубокая логика в том, что авторство интересующего нас выражения приписали советскому диктатору – неприятие *конъюнктива* как нельзя лучше отвечает его любимому мифу о строгой закономерности исторического процесса. Клио катит по монорельсу! Никаких стрелок – поворотов – разветвлений! Марксизм-ленинизм-сталинизм – переименованное, сильно вульгаризированное гегельянство. Эта идеология въелась в наш менталитет. Демократия нам не даётся. *Альтернативные* выборы? Скорее их имитация – с подлогами и туфтой.

Ненависть к *сослагательному наклонению* характерна для тоталитарных режимов. Есть ли антитеза? К счастью, есть. Мы найдём её во всё том же Гейдельбергском университете. Это доктрина Макса Борна (1882–1970). Друг Вольфганга Паули, Вернера Гейзенберга и Паскуаля Йордана, он в 1926 году переосмыслил шрёдингеровскую волновую функцию – внёс решающий вклад в разработку её *вероятностной* интерпретации.

Квантовый мир – весь как есть, целиком, сплошь – выламывается из тех рамок, которые привычны нам. Он исходит волей. Перечислим его ключевые признаки: *нечаянность* – *непредсказуемость* – *нелинейность* – *поливариантность* – *индетерминизм*. Это базис бытия – его начальный слой. Переход от *микро-* к *макро-* – ограничение свободы. Прямая экстраполяция от первого ко второму невозможна.

Тем не менее, мы вправе сказать: либеральная демократия многое наследует от онтологических оснований – сохраняет их в новом культурном контексте. Тогда как диктатуры – в системном плане – хорошо соотносятся с классическим механицизмом. По этой шкале либерализм выглядит куда как более продвинутым сравнительно со всеми другими формами социальной организации.

Дальше Макса Борна пошёл Хью Эверетт (1930–1982). Созданная им ММИ – Многомировая интерпретация квантовой механики – стала неиссякаемым кладом для фантастов. Мир ветвится! В каждой точке его роста мы обнаруживаем веер бифуркаций! Вот в этой ветви – один сценарий, а в этой – совсем другой, а в третьей – и вовсе незаданный.

Тут у власти остался Николай II – тут верховодит Керенский – тут утвердился Троцкий. Здесь Ленинград сдан – а здесь удержан. В этом мире президентствует Путин – а в этом Лимонов. Фантазмагория! ММИ можно принимать – и можно спорить с нею. Но вот что интересно: если расщепление мира проблематично, то расщепление наблюдателя – несомненно.

Ещё одна системная аналогия: наш мозг во многом изоморфен квантовому миру – сохраняет его специфику на новом нейрофизиологическом уровне. Вспомните грань

между сном и бодрствованием. Сколько странных флуктуаций! Это *шляят* причинные связи, игнорируя логику здравого смысла. Очень хорошо квантовую природу бессознательного обнаруживает *сюрреализм*.

Ноосфера тоже *квантована*. Что мы разумеем под нею сейчас – в ракурсе нашей проблематики? Это планетарно понятие – интересубъективное – соборное мышление. Это единство в разнообразии – и это разнообразие в единстве. Это глубинная – изначально предзаданная – беспредпосылочная толерантность. Именно по причине квантованности *единомыслие* в ноосфере невозможно! Ноосфера – сонм наблюдателей. И каждый – автономный мир.

Сослагательное наклонение – природно, от века – главенствует в грамматике ноосферы. Для этого могут чиниться препятствия. Не то чтобы чисто цензурные – скорее неявные: подсознание программируется на некий стереотип – скажем, на общеобязательный ура-патриотизм, несовместимый с критической саморефлексией. В социумах такого типа искореняется инакомыслие: ведь *сослагательное наклонение* – лингвистический аспект свободы. *Modus subjunctivus* хорошо коррелирует с демократией. Это языковое обеспечение плюрализма.

Мудрые правители будут мириться с множественностью подходов, гипотез, мнений. Более того: они культивируют эту множественность! Тогда как их антагонисты трусливо подавляют свободу в поисках истины. Узурпаторы кончают плохо. Ибо не ладят с онтологией: идут против устоев бытия – работают на небытие.

4. Благодарение Карлу Маннергейму. В военной судьбе Ленинграда важнейшую роль сыграла Финляндия. Сама география назначила ей быть плацдармом для восточного наступления. Гитлер рассчитывал именно на это. Суоми обманула надежды фюрера. Сколь сложную игру вероятностей открывает нам ретроспектива! Вот где для *сослагательного наклонения* открывается широчайший простор.

А если бы... *А если бы* финской армией командовал не Карл Маннергейм, бывший царский генерал, а его младший коллега Пааво Талвела? Вояка был ещё тот. Россию – мягко говоря – недолюбливал.

Вот некоторые штрихи его биографии. В 1919 г. – будучи 23-х лет от роду – возглавил военную экспедицию в Карелию. 14. X. 1920 г. Финляндия и РСФСР заключают в Тарту мирный договор. Но Пааво его игнорирует! Ещё два года он ведёт в Карелии партизанскую войну. На родине его встречают как национального героя. Причастность к *Лапуаскому движению* – начали с атак на финских коммунистов, а кончили попыткой государственного переворота – несколько тормознула карьеру Пааво Талвела.

Но в *Зимнюю войну* он снова востребован! 12 декабря под командованием Пааво Талвела была разбита 139-я, а вслед за нею и 75-я советские дивизии. Результаты 10 дней такие: взято в плен 600 русских, захвачено 60 танков, 31 орудие и 220 пулемётов. До конца *Зимней войны* удерживал Кексгольм. Здесь не преуспел – отступил за новую границу. Однако возможность реванша означилась очень быстро! Грянула Вторая мировая война.

Целесообразно уже сейчас – наперёд – эскизно обрисовать отношения двух выдающихся финнов: Карла Маннергейма и Пааво Талвела. Несколько деталей:

Крест Маннергейма.

– в сентябре 1940 г. – на правах личного представителя Карла Маннергейма – он проводит в Берлине раунд переговоров: два генштаба – финский и немецкий – отныне будут активно сотрудничать;

– в 1941 г. Пааво Талвела удостоивается высокой награды – *креста Маннергейма*;

– с 1951 г. он возглавляет «Общество памяти Маннергейма».

Интересный народ финны! Резкие разногласия не мешают им оставаться людьми – они не подсиживают друг друга, не нанимают киллеров, не пишут доносов. Маннергейм и Талвела соратники? Да. Но и непримиримые антагонисты! Пааво Талвела хотел бы войти в сокрушённый Ленинград. 6 сентября 1941 г. под его командованием VI корпус Карельской армии взял Олонец. Через 25 дней он поможет генералу Вольдемару Хэглунду захватить Петрозаводск. Теперь бы сделать бросок на Питер! Но тут возникает препона: Карл Маннергейм.

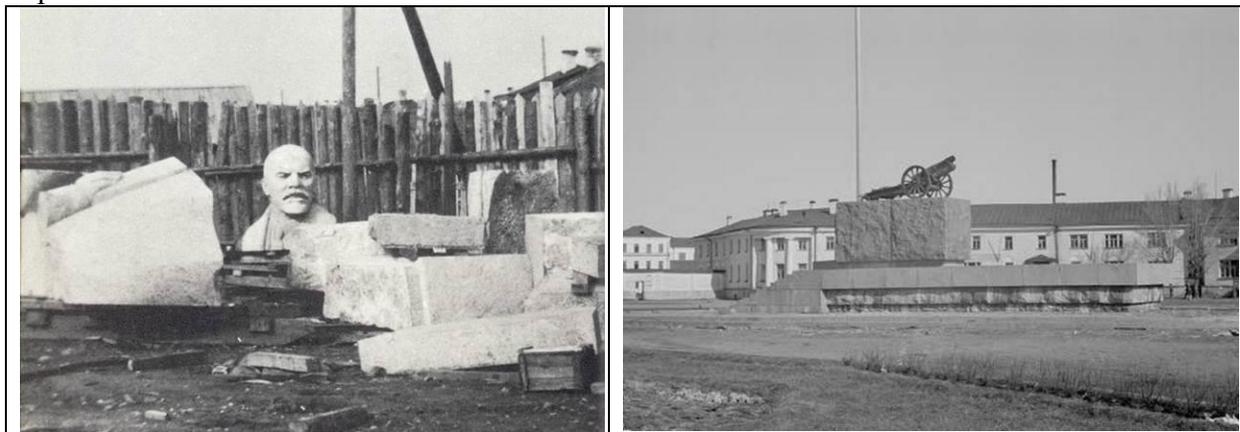
О беспрецедентной миссии барона скажем чуть позже. А пока вернёмся в *сданный* Петрозаводск.

Подхватывая пушкинскую ноту, Борис Пастернак пишет:

*Итак, вперед, не трепеща
И утешаясь параллелью...*

Ленинград – и Петрозаводск: разные масштабы – но один генезис. И цель общая: приблизить Россию к Европе. Два детища Петра! Параллель между ними – в проекции на 1941 г. – вполне законна и корректна. И ведь как эвристична! Петрозаводск – *сдали*. Ленинград – нет. Оккупация всегда унижение. Город переименовали: *Яанислинна* – *Онежская крепость*.

Лютеранство подняло финнов на уровень европейской культуры. Отношение к памятникам тут – своего рода альтиметр: мерило высоты. В *Яанислинна* дети Суоми опустили планку. Они разобрали – и покалечили – памятник Ленину. Я не являюсь поклонником Владимира Ульянова. А равно и Матвея Манизера – автора памятника. Хотя признаю: петрозаводский монумент – его творческая удача. Налицо и цельность, и экспрессия.

Ещё в школьные годы – я был вполне советским подростком, хотя идейно уже начал разлагаться – мне запомнились на всю жизнь весомые строки Марата Тарасова:

*В центре города памятник Ленину есть.
Ты на площадь сегодня придёшь, как бывало,
И, взглянув на него, ты подтянешься весь,
Проходя мимо каменных плит пьедестала.*

Стихи очень точно передают силу эстетического воздействия, исходящую от изваяния. Должен признаться: я и ныне испытываю на Циркульной площади чувство возвышенного – хотя в прокоммунистических симпатиях меня трудно заподозрить.

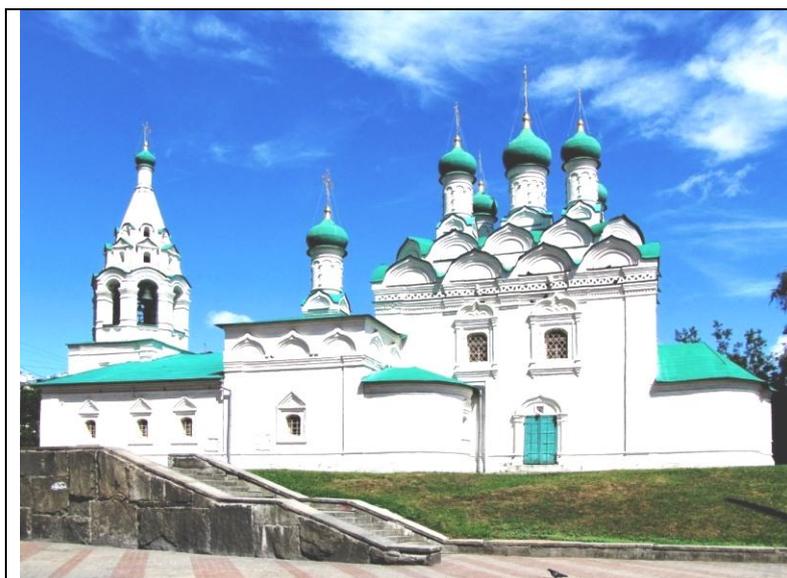
В.И. Ленин сотворил для Финляндии великое добро. Те, кто разбирает памятник в Петрозаводске – что они сделали бы с памятниками Петру I в Ленинграде? Тот действительно не жаловал Великое герцогство Финляндское – тогда часть Швеции. Отрезал от него большой кусок.

Пять лет назад отморозки подорвали прекрасный памятник В.И. Ленину на Финляндском вокзале. Они подхватили эстафету от временщиков, развязавших себе руки в *Яанислинна*.

Карл Маннергейм наверняка не одобрил бы своих земляков. Вот ошеломительный факт из биографии барона: самый известный человек в Суоми – враг большевизма – проводил Ильича в последний путь. Да, да! На исходе морозного января 1924 г. – верно рассчитав, что со смертью вождя бдительность чекистов будет притуплена – экс-регент Финляндии нелегально прибыл в Москву. Конечно же, повод был совсем другой – сугубо интимный: венчание с Екатериной Гельцер, прославленной балериной.

Москва. Рождественский бульвар, 17. Доходный дом Н.И. Силуанова. Архитектор П.А. Заруцкий. 1904 г. Первый лифт в Москве. Не раз я поднимался в нём, навещая обитавшего здесь Б.А. Смирнова-Русецкого – мастера «Амаравеллы». По этому адресу Екатерина Васильевна Гельцер принимала своего суженого - Карла Густава Эмиля Маннергейма. У нас его звали Густавом Карловичем – уж так повелось.

В этой церкви на Поварской – она посвящена Симеону Столпнику – Карл Маннергейм обвенчался с Екатериной Гельцер

В день свадьбы

Жениху – 57. Невесте – 48. Поздновато по нашим обывательским меркам? Но это была *вечная любовь!* Но Карл и Екатерина – *истинный андрогин!* Занебесный – поэтичнейший – трагичнейший роман! *Ясноглазый Рыцарь:* так Она называла Его. Много нерыцарского – антирыцарского – Ей придётся встретить впоследствии на своём жизненном пути.

Но это потом! А сейчас – то, о чём и мечтать не смела: таинство венчания. Таинство – в двойном смысле: новую семантику привносит потаённость происходящего. Шиншилловая шубка поверх бального платья, белая шаль: маловато для лютых морозов 1924 г. Балерина простудилась.

Обстоятельства были такие. Покинув церковь, барон Маннергейм решил в одиночку посетить Колонный зал – проститься с благодетелем Финляндии. Баронесса Маннергейм – уж извините грубоватое выражение – увязалась за мужем. Конечно, это не судимо – нам ли мерить безмерное? Не могла любимая оставить любимого. Не поехала на Рождественский бульвар, а отправилась на Большую Дмитровку.

Очередь оказалась длиннющей. Стоять пришлось долго. И вот – как следствие – двусторонняя крупозная пневмония: слегла Екатерина Васильевна. Всё. Барон ну никак не мог медлить: вернулся на родину – с надеждой вскоре что-то придумать – без новобрачной. Больше они не встретились.

В 1922 г. Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин получил дополнительное поручение: курировать Большой театр, где блистала Екатерина Гельцер. *Всесоюзного старосту* И.В. Сталин называл *всесоюзным козлом*. Заглядывался «друг народа» на красивых девочек. Случались у него на этом поприще крупные скандалы. Юная Белла Уварова отказала сластолюбцу. Кто убил её? И обезобразил тело?

И.В. Сталин приказал расследовать происшествие. Однако загодя отправил со товарища в отпуск – *на лечение*. Сошло с рук. Всегда сходило. Даже после того, как Екатерина Васильевна подняла шум: негодяй обесчестил её любимую ученицу. Дело замяли. Что было пущено в ход для того, чтобы Екатерина Васильевна замолчала?

В нашей стране уйма жгучих проблем. Недавно на первый план вышла борьба с педофилией. Давно пора. Однако что-то циничное есть в этой кампании: как можно считать благородное намерение серьёзным, если множество улиц и площадей в России носят имя педофила? Ладно, хоть количество городов упало до одного.

Иногда я навещаю могилу Е.В. Гельцер на Новодевичьем кладбище. Красивая белокаменная стела с бюстом – автор В.А. Пекарев – установлена близко к монастырской стене. Рядом похоронены мои любимые поэты – Андрей Белый и Владимир Луговской.

Могилы Е.В. Гельцер на Новодевичьем кладбище

Могилы Карла Маннергейма замечательно вписана в ледниковый ландшафт Финляндии

Баронесса на одиннадцать лет пережила барона. Хочется понять изнутри, что чувствовала Екатерина Васильевна, читая про *линию Маннергейма*. Густав Карлович – живая антиномия. Напряжение в ней зашкаливало человеческие возможности.

Маршал Финляндии безумно любил Россию. Генерал царской армии отстаивал независимость родной Суоми. Всё на разрыв!

Отношение к барону в Карелии неоднозначно – отражает объективную двойственность ситуации: кто-то его идеализирует – кто-то проклинает. Консенсуса нет! В вину маршалу вменяют организацию концентрационных лагерей на нашей территории. Понятно, что жизнь там была тяжёлой, унижительной – это не подлежит лакировке. Сравнение с немецкими лагерями, проводимое в пользу Финляндии, здесь не является оправданием.

Вот список только петрозаводских лагерей:

1. *Концлагерь № 1, располагался на Кукковке (ныне – Старая Кукковка).*
2. *Концлагерь № 2, располагался в бывших домах Северной точки.*
3. *Концлагерь № 3, располагался в бывших домах Лыжной фабрики.*
4. *Концлагерь № 4, располагался в бывших домах Онегзавода.*
5. *Концлагерь № 5, располагался в Железнодорожном посёлке (в годы*

войны – Красная Горка.)

6. *Концлагерь № 6, располагался на Перевалочной бирже.*

7. *Концлагерь № 7, располагался на Перевалочной бирже.*

Среди финнов – пусть далеко не всех – имело место ожесточение. Кто-то мстил без вины виноватым за родной Выборг – кто-то отводил душу за родную Сортавалу. Трудно это понять! Но надо. Понимание не означает прощения.

Наличествуется немало свидетельств того, что Карл Маннергейм – в меру своих далеко не безграничных возможностей – пытался проводить оккупацию в цивилизованных рамках. Ах, до гуманизма ли! Тем более на фоне преобладания националистических настроений – *Панфинляндия* влекла, манила. Суоми была нашим *антагонистом*. Карл Маннергейм – естественно – шёл *против нас*. Шёл вместе с Адольфом Гитлером! Хотя и не в одну ногу.

Ничего не обеляя, мы пытаемся заглянуть в душу этого неординарного, не знающего аналогий *противника*, который – сие не опровергнуть – по-своему любил и жалел своего *врага*.

Правосудие – и милосердие: Нильс Бор проецировал на эти качества свой *принцип дополнительности*. Не получается у нас *дополнительность*! Мы излишне самоуверенны – односторонни – нетерпимы. Наши умы не отточены диалектикой. Ненависть у нас какая-то взвинченная, воспалённая. Встать бы под отрезвляющий душ! Пока не получается. Ни в какую. Мы отвергаем правду – если она не укладывается в нашу схему.

Карл Маннергейм в этом отношении очень и очень неудобен.

Однако вернёмся в сороковые-роковые.

Нордическое мужество помогло маршалу – в условиях нарастающего риска – гибко маневрировать между двумя полюсами. 11 сентября 1941 года президент Финляндии Ристо Рюти сделал германскому послу в Хельсинки такое заявление: «Если Петербург не будет больше существовать как крупный город, то Нева была бы лучшей границей на Карельском перешейке. Ленинград надо ликвидировать как крупный город». Главнокомандующий ослушался. Главнокомандующий не пошёл на Ленинград. Главнокомандующий умел заглядывать далеко вперёд.

Обрисую обстановку, в которой он действовал. Западный берег Ладоги стал походить на тугую тетиву – стрелы целились в Ленинград. Это доставленные из Германии могучие паромы-катамараны «Зибель». Это быстроходные итальянские катера MAS с отъявленными головорезами на борту. Это сверхтяжёлые артиллерийские орудия «Дора». Шедевр фирмы «Крупп»! Один снаряд весил более семи тонн. Это – наконец – танки «Тигр»: их лелеял – их боготворил – сам Эрих фон Манштейн, опытный стратег Вермахта. Из-под Севастополя его перебросили сюда – для сокрушения Ленинградского и Волховского фронтов.

С Севера напирал Пааво Талвела. Теперь под его руку перешли все финские военные силы в Карелии. Фаворит Адольфа Гитлера, он знал, как угодить покровителю. Град Петров! Это бельмо на глазу рейхсканцлера. Пааво Талвела захотел выполнить функцию скальпеля. Первое его мановение – перерез «Дороги жизни». Как это сделать?

По указанию Петра I в юго-западной части Ладоги – на месте отмели – был создан искусственный остров Сухо. Крохотный: 90 на 60 м. Но ему было суждено выполнить воистину провиденциальную миссию! «Дорога жизни» как бы опиралась на него: уберит оплот – и всё полетит в тартарары. Именно этот коварный план вынашивал Пааво Талвела.

Ленинград в кольце. Теперь задача – стянуть удавку. Название операции «Нордлихт» – «Северное сияние» – придумал сам Гитлер. Сорвалось! Не состоялось! Пошло прахом! Титанические усилия свёл насмарку Карл Маннергейм. Он манкировал указаниями? Увиливал? Отлынивал? Отъюливал? Все эти мелкие движения как-то не подходят для маршала. В боевой биографии Карла Маннергейма – как больше нигде и никогда – я однажды ощутил мощное присутствие *Божьего Промысла*. Тут много от чуда. И от недюжинного ума маршала.

Начальник немецкого Генерального штаба Альфред Йодль был непростым человеком. Какие-то рудименты гуманизма сохранялись в его душе. Неслучайно Мюнхенский суд в 1953 г. пытался пересмотреть решение Нюрнбергского трибунала – не поспешили ли со смертным приговором? Судьба Финляндии – а тогда это была степень её вхождения в войну с Россией – во многом зависела от Альфреда Йодля. Почему высокая персона, верно служившая фюреру, склонилась на сторону Суоми?

Тут несомненно сказался дипломатический талант Карла Маннергейма. Вот какие слова Альфреда Йодля он приводит в своих мемуарах: «*Ни у одной нации нет большего долга, чем сохранение своей страны. Все другие точки зрения должны уступить этому пути, и никто не имеет права требовать, чтобы какой-либо народ стал умирать во имя другого народа*».

4 октября 1942 г. Карлу Маннергейму стукнуло 75 лет. На празднование прилетел самолично Адольф Гитлер. Подарки были роскошными. Назовём среди них шикарный «Мерседес-770», три вездехода, а также помпезный портрет фюрера, выполненный большим мастером Карлом Труппе. Автомобиль юбиляр продал шведам – деньги пошли в государственную казну. Вездеходы, предназначенные для его личных нужд, передал в армию. Портрет спрятал от глаз подальше.

Карл Маннергейм умел дистанцироваться от Адольфа Гитлера. А порой выказывал по отношению к нему открытое пренебрежение. Вот штрихи к празднованию юби-

ля. В финской армии непреложно выполнялся сухой закон. Однако именинник по случаю своего торжества решил сделать исключение. На фронт отправили много водки – армия в этот день потеряла боеспособность. Это был знак: Суоми сама по себе – ею нельзя манипулировать. «Нордлихт» провалился – Ленинград выстоял. Противоречивый образ Карла Маннергейма стал для меня неиссякаемым источником нравственной силы.

Альфред Йодль после казни.

4 сентября 1941 г. главный штабист Германии был направлен на встречу с Карлом Маннергеймом. Получил от него категорический отказ бросить силы на Ленинград. Правда, барону вменяют в вину то, что после этих переговоров финны перерезали Кировскую железную дорогу – и этим содействовали установлению блокады. Но ведь ясно и младенцу: Карл Маннергейм выбирал меньшее из зол. По сути его стратегия – как ни вызывающе это прозвучит – совпадает со стратегией И.В. Сталина: блокада, а не капитуляция. Карл Маннергейм мыслил поливариантно. Он выбрал тот сценарий, который, во-первых, находился в пределах его возможностей – и был, во-вторых, всё же менее катастрофичным для любимого города. Не случайно советский генералиссимус вычеркнул имя финского маршала из списка военных преступников.

Сказанное не снимает вины с И.В. Сталина за главное: его некомпетентность – причина гибели многих миллионов людей как в Ленинграде, так и во всей стране. Карл Маннергейм по мере сил пытался как-то облегчить ужасную ситуацию.

Он встал и над Гитлером, и над Сталиным.

Будущий президент Финляндской республики Карл Маннергейм на коронации Николая II. Фотография Императора с дарственной надписью всегда стояла на рабочем столе барона.

5. Церковь оказалась твердым орешком. Орешек – Нотебург – Шлиссельбург – Петрокрепость. За этими топонимами стоит одна местность: по летописи от 1270 г. – новгородский погост; потом – до петровской обеда 1702 г. – шведское владение.

Шлиссельбург сдала немцам 1-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР. Это произошло 8 сентября 1941 г. Отсюда начинается хронометраж блокады.

Поблизости от истоков Невы в 1884 г. развернуло свою деятельность «Русское Общество для выделки и продажи пороха». Русское-то русское, но скорее географически, а не сущностно. В знаменитые шлиссельбургские заводы широко вложилась Германия: её капиталы – её инженеры – её строительные традиции. Всё было *передовым*: от технологий – до отношения к рабочему классу. Библиотека – биллиардная – кегельбан – лаун-теннис: у российского пролетария глаза лезли на лоб.

Было принято решение: при заводах построить храм. Как Иван Яковлевич Билибин в живописи – так Владимир Александрович Покровский (6. III. 1871–30. IV. 1931) в архитектуре: он вдохновлялся Русским Севером – претворял в своих творениях стилистику его деревянного зодчества. Ответственный заказ был сделан именно В.А. Покровскому. Храм во имя Петра и Павла освятили в 1907 г.

Над декором храма работали Н.К. Рерих и В.А. Фролов

Один из эскизов В.А. Покровского

Зодчий вдохновлялся Успенской церковью в Варзуге на Кольском полуострове (1674).

Это конечный вариант. Изучая архив мастера, поражаешься размаху его поиска – на уровне эскизов замысел получает множество решений, одно лучше другого. Наше внимание должен остановить этот набросок.

Здесь В.А. Покровский идёт от кубоватых церквей, столь характерных для нашего ареала – Водлозерья, Поморья, Поонежья. Редчайший случай! К подобным формам В.А. Покровский больше никогда не возвращался. Задумке было суждено остаться на бумаге.

Петропавловская церковь в Шлиссельбурге получила невероятный резонанс. Своеобычные отклики на неё – вариации, подражания – мы находим в разных местах России. Кто и почему взорвали храм в блокадное время? Естественно предположить: для обеих воюющих сторон шатёр церкви мог служить привязкой для наведения артиллерийских орудий – отсюда печальный удел шедевра. Неверная посылка! Рядом стоят заводские трубы – ещё более высокие.

Трудно было добраться до истины. Она оказалась страшной. Как-то по раскисшей осенней дороге ехала «большая шишка» – сам Климент Ефремович Ворошилов. Машина застряла. Где взять щебень на подсыпку? Последовал приказ: решить проблему за счёт красавицы-церкви – она взлетела на воздух. Но вот досада: кладка оказалась невероятно прочной – распалась на неподъёмные блоки. Дальше – упор: раздробить материал не удалось. Дорожные работы были оставлены до лучших времён.

Эта история символична. Как сие ни горько, но надо признать: порой защита нашего отечества оказывалась в руках людей, не имевших для этого данных. Они не знали – и не любили – русскую культуру. Таков К.Е. Ворошилов. Опыт уничтожения великих памятников он наработал ещё до войны. Учителем его был И.В. Сталин. Вот

текст телеграммы, которую они совместно отправили из Сочи 18. IX. 1933 г. – стенания И.Э. Грабаря, И.А. Фомина, И.В. Жолтовского не были услышаны: «Мы изучили вопрос о Сухаревой башне и пришли к выводу, что её надо обязательно снести».

К.Е. Ворошилов командовал войсками Ленинградского фронта в самое ответственное для судьбы города время: с 5 по 14 сентября 1941 г. Командовал бесталанно! Гражданская война – и Великая Отечественная: подходящее для первой было заведомо негодным для второй. По европейским критериям в 1941 г. К.Е. Ворошилов выглядел сущим анахронизмом. *А если бы М.Н. Тухачевский...*

Ну никак не удаётся забить кляпом сослагательное наклонение! Это большие вопросы. Однако уходить от них преступно. Осознав несостоятельность К.Е. Ворошилова, И.В. Сталин сместил его с должности. Клим сдал Шлиссельбург. Сдал бы и Ленинград – не спохватись в Кремле. Имя «героя» сегодня по всей Руси носят 745 улиц и площадей. Какие же тупорылы управляли страной! Уровень культуры – и качество власти: соотносённость тут абсолютная.

Многие доселе видят Гражданскую войну в ореоле поэзии и романтики. Вспомним Булата Окуджаву: «Я всё равно паду на той, на той далекой, на гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Клим Ворошилов тут одна из главных фигур. Я до сих пор не развеял эту чарующую дымку. Почти 35 лет К.Е. Ворошилов был членом Политбюро. Это рекорд! Во главе военного ведомства он находился 15 лет. Разгромил командный состав РККА. Вот его записка тех лет: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V.1937 года. К. Ворошилов».

На посту наркома обороны 7 мая 1940 г. К.Е. Ворошилова сменил С.К. Тимошенко: И.В. Сталин не без оснований посчитал, что тот много лучше зарекомендовал себя в Советско-финской войне. Во время Великой Отечественной войны К.Е. Ворошилов показал себя из рук вон плохо. 22 ноября 1944 года И.В. Сталин вывел своего любимчика из состава Государственного комитета обороны.

Я.Э. Рудзутак, продавший на Запад сокровища Эрмитажа – Л.М. Каганович, намеревавшийся ликвидировать храм Покрова на Рву – Н.А. Булганин, уничтоживший Церковь Успения на Покровке: люди этого пошиба несут ответственность за то, что мы сдали страну вплоть до волжских берегов.

В этот ряд органично входит и А.А. Жданов. Он унижал Д.Д. Шостаковича – издевался над А.А. Ахматовой – глумился над М.М. Зощенко. Мог ли человек, так относившийся к русской культуре, успешно руководить городом, воплощавшим эту культуру? Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: продовольственные склады следует замаскировать в первую очередь. Вспомним песню В.С. Высоцкого:

*Я помню, как горят огнём Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.*

Первый налёт случился 8-го, второй – 10-го сентября 1941 г. Сгорело 2500 тонн сахара. По улицам тек горячий расплав – черпали ведрами: 900 тонн потом удалось переработать. Много пишут о *сладкой жизни* Андрея Александровича Жданова в блокад-

ном Ленинграде. Будто специальный цех изготовлял для верхушки *ромовые бабы!* Будто однажды самолёт доставил для неё гору *персиков!* Если это не истина, а мифогенез, работающий против власти, то он всё равно показателен.

Думается, что А.А. Жданов любил сладости, но существеннее другое: его *антропофагия*. «Директор» блокады подписал в своё время 176 расстрельных списков. Зачем он дезинформировал Москву, заявив, будто в Ленинграде достаточно продовольствия? Это самодурство стоило жизни сотням тысячам людей.

Ф.Г. Раневская вспоминает, как А.А. Ахматова реагировала на ждановский поход против культуры – и её лично: «*Она лежала с закрытыми глазами. Я видела, как менялся цвет её лица. Губы то синели, то белели. Внезапно лицо становилось багрово-красным и тут же белело. Я подумала о том, что её "подготовили" к инфаркту. Их потом было три, в разное время*». Ещё деталь, раздирающая душу: «*Через какое-то время она стала выходить на улицу. И, подведя меня к газете, прикрепленной к доске, сказала: "Сегодня хорошая газета, меня не ругают"*».

В заключение: «...*И только через много дней вдруг сказала: "скажите, зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей его техникой, понадобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной больной старухи?"*». Жестокость – бесчеловечность – лютость! Этого у нас было и есть вдоволь. В дефиците благородное отношение к женщине.

Вспомним брошенное А.А. Ждановым в адрес А.А. Ахматовой: «*Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой*» («Правда», 21. IX. 1946). Это ведь хамство чистой воды. Рыцарский дух Карла Маннергейма – и ублюдочность Андрея Жданова: контраст разителен.

По Интернету гуляет легенда: будто барон приударял за юной Анной Горенко – несколькими годами раньше до захватившего его романа с Е.В. Гельцер. Было ухаживание? Не было? *Сослагательное наклонение* развивает фантазию. Если это всего лишь псевдология, то ей нельзя отказать в поэтичности. Красивая рисуется пара!

Вероятно, подобные мифы удовлетворяют какие-то глубинные потребности нашего бессознательного в лучшем, более счастливом – хочется что-то исправить в человеческих судьбах, добавить в них света.

Так или иначе, но Анну Ахматову чтят в Финляндии – она любила эту страну.

С 15 по 30 октября 1915 г. Анна Ахматова лечилась в Хювinkя. Авторы мемориальной доски – Я. Неймана и Ф. Гепнер.

Конъюнктив имеется во всех индоевропейских языках. Не исключая – конечно – и немецкого. В Германии *сослагательное наклонение* здорово поработало на усугубление национальной вины – помогло покаянию. А *если бы* мы, немцы, не поверили Гитлеру... А *если бы*...

Заметим: боль за прошлое чувствуют и новые поколения – никак не причастные к нацистским преступлениям. У нас начинался подобный процесс. Протекал он вяло. А

теперь и вовсе заглох. Досадно! Без *метанойи* – буквально *перемены ума*, нравственно-го переворота – нет прогресса.

Тележурналист М.Л. Шевченко заявил недавно: «*Эта ждановская речь – я ее недавно вспомнил – очень актуальна*» (Эхо Москвы. 26. XII. 2013). За этими словами стоит махровая *реакция*. Вероятно, в ритмике истории такие периоды неизбежны, но у меня одна мечта: пережить бы это мрачное время – дождаться просвета.

Конъюнктив может переходить в *оптатив*. То бишь в *желательное наклонение*. Вот пример его применения: освободить бы пространство родины от бесовщины! *Оптатив – оптимистичен*. *Оптатив* убеждает: ждановщина не повторится. В корне не согласен с М.Л. Шевченко.

Уверен, что в одном из миров Хью Эверетта я дал гулкую пощёчину генерал-полковнику А.А. Жданову – эхо до сих пор гуляет по Мультиверсуму: когда-нибудь дойдёт и до наших палестин.

В отношении к женщинам на А.А. Жданова очень похож Д.К. Киселёв. В контексте блокадного юбилея – с трусливой отсылкой к третьему лицу – он огласил по телеканалу «Россия» следующее: «*Может быть, хоть после четырнадцатого аборта Ксения Собчак одумается и откажется от тяжёлых наркотиков?*». Настоящий мужчина не может – ну ни при какой погоде – так унижать женщину. Тем более дочь великого петербуржца. Хорошо, что пишу это на голодный желудок – по горлу проходят рвотные спазмы. Зачем совать нос в чужую *uterus*? И подсчитывать, сколько эмбрионов пребывало в этой суверенной, никому не подотчётной *uterus*? Всё-таки перед россиянами – телеэкран, а никак не гинекологическое кресло. Блокада это блокада – а *uterus* это *uterus*.

Дмитрий Киселёв сделал отвлекающий манёвр: с больных вопросов блокады переключил внимание телезрителей на плодоносное женское лоно. Примитивный приём! Но вот что страшно: он успешно работает в нашей среде – даёт чаемые результаты. Это свидетельствует о крайне низком уровне гражданского сознания – о его предельной *оболваненности*.

Ради преходящей конъюнктуры Дмитрий Киселёв *сдаёт* целомудрие русской души – её исконную стыдливость – её чистоту. И это рупор партии! Великодержавная пошлость разлилась по России широким океаном. Лицемерны на этом фоне разглагольствования на темы культуры и воспитания. Пустопорожнее! Лживое! Свобода дискуссий – норма демократии. Я вынужден говорить банальности.

Открытый диалог на тему ленинградской трагедии не оскорбляет нашей памяти. Наоборот: вымывает из этой памяти наносную туфту – обнажает истину. Истина – оздоравливает. Ложь – губит.

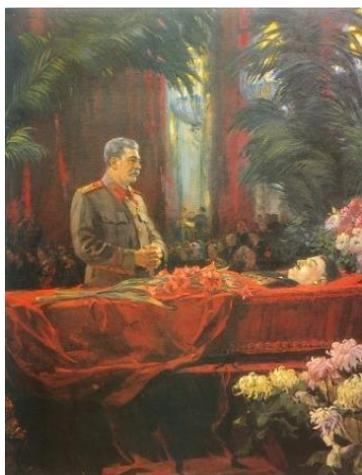
Россия и Германия – очень разные страны.

Сравнительный анализ тут применять непросто. Но нужно! Порой этому мешает уязвлённость: всё-таки отстаём по многим показателям. А ведь победители... С этим комплексом надо бороться.

Сегодня есть опасность: мы можем *сдать* Ленинград – как Петрово дело, как его европейский проект. Кому сдать? Коррупционерам – и наркоманам, ворами – и националистами, маньякам – и бандитам. Боятся у нас открытости. Ненавидят прозрачность. В Европу без этого не пустят. Негодяям выгодны: железный занавес – пресечение дискуссий – глушилки.

У вождя всех времён и народов слово расхлосилось с делом. Нет, он не был автором заинтересовавшей нас крылатой фразы – но в беседе с Эмилем Людвигом изрёк нечто созвучное ей: «*На основании опыта трёх революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — однобокие*». Хорошая декларация!

Но она не была подкреплена практикой.

А.М. Герасимов. И. В. Сталин у гроба А. А. Жданова. 1948.

В журнале «Новейшая история России» (2013, № 1) опубликована статья В. А. Кутузова «Загадочная смерть А. А. Жданова». Кто сегодня помнит шумное «Дело врачей»? Разоблачительницу Л.Ф. Тимашук, убеждённую в том, что её пациента устранили?

После войны И.В. Сталин буквально терроризировал сердечника А.А. Жданова. Положение осложнилось, когда сын ставшего неудобным функционера – талантливейший учёный и писатель Юрий Андреевич Жданов – выступил с критикой Т.Д. Лысенко. За это должен ответить отец!

В статье вновь обсуждается версия: доктора, лечившие А.А. Жданова, были «в курсе желания Сталина. Судя по лекарствам, которые назначили Жданову, они знали о значении той роли, которую их попросили исполнить».

В 1949 г. картину А.М. Герасимова хотели выдвинуть на Сталинскую премию. Один из персонажей полотна воспрепятствовал этому: «Нельзя же так: всё Сталин и Сталин».

Преступно было позволить врагу пересечь границы отечества. Преступно было доводить дело до блокады Ленинграда. Однако субъектив для истории не существует – удовлетворимся тем, что перешло в явь всё же не худшее вероятие.

И.В. Сталин насаждал однобокость – монологизм – единомыслие. Оппонентов – и реальных, и потенциальных, и мнимых – он сводил в могилу. Диктатор не любил слагательное наклонение. Обожал – повелительное.

Новгородский вечевого дух долго удерживался на Русском Севере. Воскресить бы его! Без этого хана.

История и впрямь отбрыкивается от *сослагательного наклонения*. Но его не отвергают – и даже поощряют, опираясь на него – талантливые учебники истории. А также свободные научные дискуссии. И ещё – структуры общественного сознания: при условии его неангажированности. Трудно вообразить прения на тему Ленинграда в сталинские времена. Но кого они смущают сегодня?

Сбудься журналистский вопрос – и я бы ответил следующее:

– хорошо, что не сдали Ленинград;

– плохо, что табуируют проблему – это рецидив закоренелой, летально опасной, источающей Россию болезни.

Излечима ли она? Безусловно. Есть панацея, есть! Имя ей – *демократия*.

Как любили говорить в девяностые – *иного не дано*. Кроме – разумеется – полного краха. Что предпочтём?

Приложения

БЛАГОДАРЕНИЕ МАННЕРГЕЙМУ

14 июня 2007 г. пушка Петропавловской крепости дала залп в честь 140-летия со дня рождения Карла Маннергейма. Этот выстрел углубил раскол нашего общества в оценке личности маршала. Друг или враг? Карл Маннергейм противоречив.

С одной стороны, идея *ирредентизма* не была ему вовсе чуждой – 1941-й он видел как прямое продолжение 1918-го, когда поклялся освободить Карелию от большевиков. Цитируем один из его приказов: «*Двадцать три года Беломорье и Олонец ждали исполнения этого обета*».

С другой стороны – и здесь мечта вступает в конфронтацию с делом – он трезво сознавал, что втягивание Финляндии в войну станет катастрофой для неё. Нет оснований не верить ему, человеку чести, когда он пишет в своих мемуарах: «*Я принял на себя обязанности главнокомандующего с тем условием, что мы не предпримем наступления на Ленинград*».

При подходе к старой государственной границе с Россией среди финских солдат началось брожение. Они отказывались идти дальше. К. Маннергейм активно искоренял противленческие настроения? Этого не было.

Неявный саботаж – затягивание сроков – блистательное маневрирование в уходе от договорённостей с Гитлером: такова была тактика К. Маннергейма. Она оказалась спасительной для города, который был для него по сути родным – как это ни бесит ненавистников царского генерала и финского маршала.

Прим. 1: Это дополнение я написал по просьбе Виталия Наумовича Дымарского – в связи с публикацией фрагмента моей статьи в редактируемом им журнале «Дилетант».

Прим. 2: Понятие *ирредентизма* (от итал. *irredento* — «неискуплённый», «неосвобождённый») обозначает политику, направленную на объединение этноса, который оказался раздробленным в силу различных исторических коллизий. Сегодня эта идея обрела в России острую актуальность. Присоединение Крыма – торжество *ирредентизма*. А восточная Украина? Или Северный Казахстан?

В проблеме «Финляндия – Карелия» Карл Маннергейм был безусловным *ирредентистом*. Однако планетарный *панфинно-угризм* – с его установкой на продвижение границ Суоми до Урала – остался чуждым маршалу. Уже находясь на пенсии, Карл Маннергейм в одном из интервью так выразил своё политическое кредо – оно звучит ошеломительно: «*По политическим взглядам я русский монархист и противник независимости Финляндии. Я был сторонником сохранения того статуса, который имела*

Финляндия до 1917 года. Но жизнь не предоставила мне возможности бороться за свои идеалы».

Тупая, инертная, неодолимая совкость – с её примитивной однозначностью и категоричностью – мешает нам понять сложный внутренний мир Карла Манергейма.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ О БЛОКАДЕ

Что-то болезненное есть в нынешнем накате на «Дождь». Заведомо преувеличенное, искусственно возогнанное! Надрыв какой-то. Истерия. Чувства смешанные: и сострадание – и стыд. В моём отношении к предмету прений – Ленинградской блокаде – меня укрепил А.Т. Твардовский.

Немного личного.

30. I. 2014 г. с женой Наташей мы шли в Высоко-Петровский монастырь. В самом начале Страстного бульвара нас встретил Александр Трифонович. Памятник поэту установлен совсем недавно – как раз напротив редакции «Нового мира».

Вспомнилось раннее. Мне лет 18. Учусь в Литинституте. Любимое место в Москве – Центральный дом литераторов: там можно лицезреть великих. Однажды – вздрагиваю: через фойе мощно движется Твардовский. Будто ледокол какой! Будто преодолевает сопротивление среды! Пространство по обе стороны от него опадает пластами.

Так он и через нашу историю шёл. Но его подорвали.

Спустя несколько лет – уже будучи аспирантом – я испытал потребность: ещё раз увидеть человека, перед которым благоговел. С этой целью пошёл в «Новый мир». Дождался чаемого момента – и ретировался.

Помню эпиграмму, сочинённую в связи с разгромом великого журнала:

*Увы, по прихоти сатрапов
Твардовский гордо замолчал –
И возглавляет Косолапов
Хороший некогда журнал.*

Прочёл это в присутствии чудесного Дмитрия Яковлевича Гусарова, редактора «Севера» – и поверг его в шок. Честнейший был человек. Но долго верил в партию.

По ассоциации: когда умер К.У. Черненко, там же – в «Севере» – я опрометчиво огласил дурашливые, несколько рискованные строки:

*По стране проползают слухи,
Что сам Линник рвётся в цари!
Оттого-то и мрут, как мухи,
Генеральные секретари.*

Понимание и сочувствие нашёл тогда у заведомом поэзии Виктора Сергина. Д.Я. Гусаров с его «Севером» – как бы аналог А.Т. Твардовского: тот же дух – и те же напряжения. Потом тему А.Т. Твардовского я изредка обсуждал с незабвенным Олегом Назаровичем Тихоновым, преемником Д.Я. Гусарова. Он проходил практику в «Новом мире». Рассказывал: на него долго смотрели косо – подозревали в нём подсадную утку. А это был, в проекции на орнитологию, северный лебедь: человек со свободной и чистой душой.

Мой друг Вячеслав Колейчук привёз ледниковый валун для могилы А.Т. Твардовского из Карелии. Ещё одна очень значимая для меня линия связи.

На днях я получил трёхтомное издание дневников А.Т. Твардовского. Приведу полностью сказанное там о блокаде:

В самые трудные месяцы блокады в Л[енингра]де ежедневно умирало 7–8 тыс[яч] человек. По счёту жизней — это равно ежедневной потере двух дивизий военного времени. —

Москву Сталин также предполагал сдать, но быстро отказался от этой мысли, отлучившись из Москвы всего на 2 дня и узнав о том, что там разыгралось в эти дни (остановился гор[одской] транспорт, бани, столовые, начались грабежи магазинов и т.п.).

Как тут не подумаешь о том, что называется “духом войск” и общенародным духом сопротивления. “Москва — отступить дальше некуда”; “Ленинград не сдаётся” — этими лозунгами, скреплёнными именем того, кто допускал мысль (и не без оснований) о сдаче обоих городов, жили массы людей, весь агит[ационно]-проп[агандистский] состав фронта и тыла — народ не допускал этой мысли, по крайней мере, в нём она не жила, не обнаруживалась, как жила и обнаруживалась на фронте и в тылу, скажем, критика нашей неподготовленности к войне, довоенного бахвальства и т.п.

И с этой силой, этим духом народным не только нельзя было не считаться, но на него нужно было решительно опереться, что и было сделано. Правда, трудно сказать, оправдывались ли жертвы Л[енингра]да удержанием города осаждённого — с огромным населением, обречённым на смерть от голода и обстрелов. —

Умён Александр Трифонович! В процитированных записях содержится бездонная философия. *Народный дух*: смешно не считаться с ним — хотя он порой проявляет себя иррационально. В качестве примера тут можно привести трагедию немецкой нации. Ведь как работал нордический миф! Сплачивал людей — и двигал через все препятствия. Оказалось: к обрыву пропасти. Наваждение всё же удалось развеять. Но какой ценой?

Сталинский миф — формально схожий, однако в сути противоположный: он обеспечивал успех в правом деле. Неужели этот миф, отдав ему должное, доселе нельзя рассматривать критически? Сразу слышится рёв. И предпринимаются санкции: глушат — вычёркивают — отключают.

А.Т. Твардовский фиксирует определённое расслоение: народный дух потерял монолитность — Сталина оценивают по-разному, с диаметрально противоположных позиций. В отношении к блокаде взяла верх официальная — официозная — линия.

А.Т. Твардовский говорит о возможности сдачи сразу двух городов — и Москвы, и Ленинграда. Правды не доискаться — документы уничтожены. Одновременно муссируются слухи о Г.К. Жукове как инициаторе и противнике этой идеи: сдать Москву. Будто бы он проводил параллель с М.И. Кутузовым. Но ведь в 1812 г. Москва не была столицей! Оставить её в 1941-м — совсем другое дело. Был бы иной резонанс! Воистину планетарный. Имели бы место иные последствия! Несравнимые по степени катастрофизма. Поэт-сталинист Феликс Чуев пишет:

*Уже в Москве ответственные лица
Не понимают только одного:
Когда же Сам уедет из столицы —
Но как спросить об этом Самого?*

Нет дыма без огня? За разговорами что-то стоит? Имея вкус к истории, Феликс Чуев старался копать глубоко — дотошно опрашивал свидетелей. Много общался с В.М. Молотовым. Защищая И.В. Сталина от тех, кто подозревал его в плане поступиться Москвой, Феликс Чуев поднимает на поверхность придонные *кривотолки* — а ведь они тоже по-своему информативны.

Майя Плисецкая признавалась в интервью Андрею Караулову – это был 2005 г.: кое-кто из московской артистической элиты шил новые роскошные наряды – победителей со свастиками на рукавах желал встретить достойно. Баварское пиво тогда лилось бы рекой. Только вопрос: для кого? Слепая Матрона не зря поднялась на защиту Москвы. Народ – и под сталинским знаменем, и под сенью Казанской – стоял грудью.

И всё же само вероятие, пусть миллион раз условное – сдача первопрестольной – продолжает виртуально существовать, тревожа память и совесть. Поставь это сегодня на обсуждение – и тебе придётся туго: заплюют. Нездоровая ситуация!

В дневнике Александра Трифоновича – *полиалог*: оцениваются – дискутируются – разные подходы. Прения идут в душе поэта. Как убедительно здесь обнаруживается сопричастный ему *демократизм*! Это бы перенести в окружающее пространство. Не получается до сих пор.

Хотел опубликовать статью «Блокадные боли» в очень достойном карельском Интернет-издании. Вот ответ весьма уважаемого мной редактора: *«Не разделяю восхищения Маннергеймом, который непосредственно причастен не только к блокаде Ленинграда, но и к оккупации Карелии. 8 июля 1941 года Маннергейм отдал приказ о заключении «неродственного» населения (русских, украинцев, белорусов) в концентрационные лагеря. В одном из них была моя свекровь, её рассказы я хорошо помню».*

Замечание учёл – внёс дополнение. Не для того, чтобы попасть на сайт – для большей объективности. Финская оккупация Петрозаводска: подумалось, что эта тема должна заинтересовать нашего земляка – выдающегося журналиста, работающего на «Свободе». Послал ему статью и отказ редактора. Вот отклик: *имярека «понимаю (над личным трудно подняться). Да и подставляться под крики "патриотов" неохота. Кормится из бюджета... Финская оккупация с нацистской несравнима».*

Эта переписка показательна. Мы видим, как сегодня повторяется ситуация, характерная для конца *оттепели*. Прочитируем эпитафию А.Т. Твардовского

*«Новый мир» идёт ко дну, —
Честь и совесть на кону».*

Ныне ещё более *на кону*! Как мы называем силы, противостоявшие А.Т. Твардовскому? *Охранительные – консервативные – патриотические – неопочвеннические*. Замечательна их универсальность: они вписываются и в царизм, и в большевизм, и в чекизм – ход истории ничего не меняет в их природе. Это нечто фундаментальное. Это непреложная реальность!

Для кого-то творимая ею атмосфера – самая что ни на есть благодатная, наилучшая; для кого-то – нечто затхлое: будто кислород перекрыли. Колоссальная инерция имперскости! Европа давно переломила её рецидивы – у нас нет признаков мудрого отрезвления.

Всеволод Анисимович Кочетов – и Александр Андреевич Проханов: это одна порода. Одна традиция! Её живучесть восхищает. Это наше. Вот так мы устроены. Нравится или не нравится, а считаться с явью надо.

Александр Трифонович Твардовский – или Дмитрий Сергеевич Лихачёв: это другой полюс национального самосознания. Это – *просветители*. Они всегда были в меньшинстве.

Прошло 44 года после разгрома «Нового мира». Многое изменилось. Но противоборство тенденций воспроизвелось точь-в-точь. Потрясающая инвариантность!

Сегодня на «Дождь» обрушиваются наследники тех, кто погубил «Новый мир» – и затравил до смерти его редактора. Те же схемы – те же методы. Сказать, что подловатости стало больше? Да нет, уровень здесь постоянный. Меты перемен – в признаках вырождения: всё стало каким-то мелкотравчатым – жалким в своей паскудности.

Вот закрываю глаза – и вижу надвигающуюся на меня богатырскую фигуру А.Т. Твардовского. Нет нынче таких глыб.

Могила А.Т. Твардовского на Новодевичьем кладбище. Слава Колейчук просил меня подыскать достойный валун в Карелии. Но это он успешно сделал без моего участия.

БЛОКАДНАЯ РЕЛИКВИЯ

Недавно в фонды созданного мной Музея Русского Севера поступила блокадная записка. Воспроизвожу её содержание:

7 июля 1942 г.

Ленинград

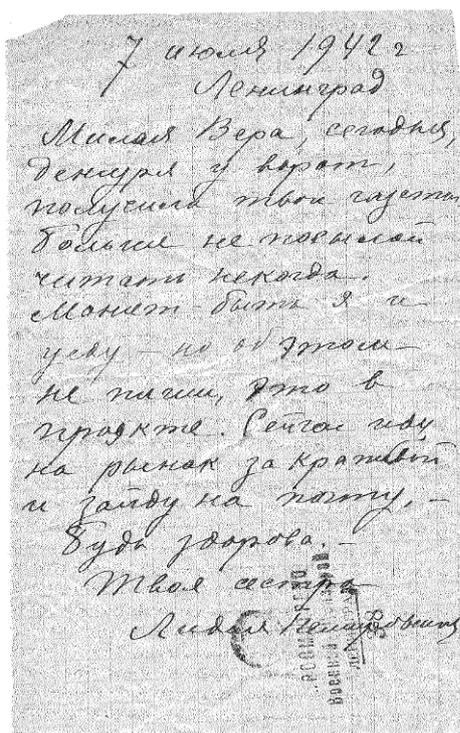
Милая Вера, сегодня дежурила у ворот, получила твои газеты, больше не посылай, читать некогда. Может быть, я и уеду – но об этом не пиши, это в проекте. Сейчас иду на рынок за крапивой и зайду на почту.

Будь здорова.

Твоя сестра.

Лидия Немировская

Внизу штамп: Просмотрено военной цензурой Ленинграда.

Говоря о народе как целом, русская философия использует характерные выражения: *соборная личность* – и *симфоническая личность*.

Это некая сверхиндивидуальность! Вправе ли мы экстраполировать на неё представления, связанные с отдельной особью? Вот мы говорим: *психопатология личности*. Что в этом контексте можно сказать о *соборно-симфонической личности*?

Думается, что культ кровавого палача – как и комфортное самоощущение при автократическом типе правления – указывают на определённые аномалии. Ведь это симптомы летально опасной болезни. Назвать её социальной шизофренией? Не знаю. Рассуждаю на уровне гипотез.

Но одно несомненно: эксцессы, имевшие место при обсуждении ленинградской трагедии – уже не просто слабоумие, а клинически очевидное безумие. Инстинкт самосохранения ослаблен.

Быстро прогрессирующая танатофилия тол-

кает *сборно-симфоническую личность* в гиблую пропасть. Но я убеждён: опомнимся – и одолеем проклятую пагубу. Уповаю на *волю-к-бытию*.

Рецензент статьи: доктор технических наук, заведующий кафедрой Уральского государственного лесотехнического университета Р.Н. Ковалёв.